Убийственная красота. 69

Автор:
Алиса Клевер

Убийственная красота. 69

Алиса Клевер

Полночь по парижскому времени #5

Страсть иногда бывает непереносимой. В надежде избавиться от наваждения, Даша Синица решает улететь из Парижа домой, в Москву, хотя мысль о том, что она больше никогда не увидит Андре Робена, мучительна. Вернуться к скучной, но привычной жизни или отдаться ненормальной, но восхитительной страсти – Даша не подозревает, что в действительности выбор куда сложнее. Звонок матери Даши открывает ящик Пандоры. Никто не знает, на что способен Андре на самом деле.

Алиса Клевер

Убийственная красота. Книга 5. «69»

No matter how many times that you told me you wanted to leave…

Thirty seconds to Mars, Hurricane[1 - Неважно, сколько раз ты говорила, что хочешь уйти… (англ.)]

Где умирает надежда, там возникает пустота.

Леонардо да Винчи

Париж – город любви, но здешняя любовь – слишком жестокая царица, требующая полного самоотречения, ждущая и жаждущая жертвоприношений. И вот я лежу на мраморном постаменте, обнаженная и связанная, почти без сознания, а может, одурманенная чем-то, в ожидании жреца с огромным кинжалом. Я жду Андре, я воображаю его обнаженным до пояса – загоревший, с сильным торсом и рельефными плечами, он опьяняюще красив, со своим уникальным, прожигающим насквозь взглядом ученого-естествоиспытателя. Он хочет узнать, о чем я думаю.

Я ничего не вижу, мои глаза завязаны, мой рот жадно ловит воздух. Мое тело прикрыто лишь узким, длинным куском ярко-красной шелковой ткани с умопомрачительным запахом цветущей липы и меда, но этот покров – откровеннее наготы, он не скрывает ничего из того, что следовало бы скрыть. Наверное, одного взгляда на меня достаточно, чтобы разжечь огонь желания, жадный, вульгарный огонь похоти. Я знаю, что я в опасности, но это не останавливает меня. Есть ли на земле создание глупее меня?

Я открываю глаза – солнце ушло с неба, его закрыло облако, унеся с собой и эту странную фантазию, посетившую меня, когда я задремала. Я веду себя неразумно, лежа тут на лавочке посреди Парижа, в то время как меня терзает столько вопросов. Я веду себя неразумно с того самого момента, как приземлилась на этой земле, но теперь я совсем свихнулась. Может быть это оттого, что я не знаю, как мне поступить дальше? Никогда еще я не оказывалась в такой ситуации. Никакого контроля, только легкое головокружение от света. Я слишком долго лежала с закрытыми глазами и теперь чувствую себя немного не в своей тарелке, пока цвета и краски вокруг меня приобретают привычный вид – зрачку нужно некоторое время, чтобы восстановить свои функции, после того как я валялась, подставив лицо солнцу.

Мраморная скамейка, на которой я лежу, холодна как лед, несмотря на жару. Камню же, наверное, лет пятьсот. В этом городе любви все невообразимо старо и красиво, но те, кто живет здесь, не замечают этого. Для них улицы и бульвары – только названия, буквы, апострофы. Для местных в созвучии «Люксембургский сад» нет поэзии, это всего лишь кусок маршрута по дороге на работу и обратно, для меня же – возможность получить передышку, но время мое, кажется, вышло. Телефон молчит, Андре не звонит мне. Работает или растворился в утренней дымке тумана, которым был укутан Париж сегодня? Я потираю ссадины на запястьях – живое напоминание о вчерашней ночи. Что,

если Андре вовсе забыл обо мне? Возможно, это и к лучшему, потому что я-то никак не могу забыть о нем.

Сделав над собой усилие, с неохотой сажусь и осматриваюсь. Сколько времени я провалялась здесь? Солнце в зените. Я уехала из гостиницы в двенадцать, после ненавязчивого звонка портье.

– Мадам, вам понадобится помощь? – спросил он меня, стоящую среди разбросанных вещей в оставленном мамой номере.

– Помощь? – удивилась я, не совсем понимая, что он имеет в виду.

– Чтобы снести вещи вниз, – добавил портье тем же спокойным, вежливым тоном.

Только тогда до меня дошло, что меня выселяют из гостиницы. Вот что, оказывается, означали слова мамы о том, что она рассчиталась за номер. Я все еще не могла поверить, что она уехала, хотя в сущности это было вполне в характере моей мамы – принимать резкие, спонтанные решения, исчезать и появляться в моей жизни, переворачивая все с ног на голову. Иногда, сидя дома за компьютером, я чувствовала себя куда старше и скучнее, чем она. Моя мама была живым огнем, а я – всего лишь пеной из огнетушителя.

– А что, если мне придется задержаться? – спросила я у портье, беспомощно озираясь по сторонам.

– Мы можем сохранить номер за вами, но тогда вам придется спуститься вниз и переоформить счет.

– Спасибо, я подумаю, – кивнула я.

Но думать было не о чем. В конверте на столе лежали деньги – их с лихвой хватало на то, чтобы покинуть Париж, но было недостаточно, чтобы в нем остаться. Я отложила деньги в сторону и достала мамино письмо. Если бы я приехала на полчаса позже, застала бы лишь кавардак, конверт с деньгами и это послание.

«Даша, я должна уехать, так как мне предложили роль. Позвони, как только войдешь в номер, я не понимаю, куда ты делась.

Между прочим, так не поступают с матерью!

В любом случае, уезжай в Москву, потому что тут творятся странные дела. Я видела Сережу, но я не могу тебе рассказать об этом в письме. Не уверена, что вообще хочу говорить об этом – слишком ужасно то, что я увидела. Возможно ли, чтобы мои глаза обманули меня? Не думаю. Он точно был там. А где, кстати, была ты? Ладно, не важно. Просто будь осторожна. И уезжай в Москву, пожалуйста. Я понимаю, ты подцепила кого-то тут, в Париже. О, это так легко, тем более для тебя. Ты никогда не понимала своего счастья, унаследовав от меня гораздо больше, чем думаешь. У тебя отличные ноги. Впрочем, ты и сама наверняка знаешь об этом. Позвони Шуре, как приедешь. Твой кот уже разодрал обои в ее гостиной. Скажи ей, что я купила косметику.

Ах да, будь поосторожнее с мужчинами. Им всем нужно только одно…»

В письме не содержалось ничего путного, и сколько я не перечитывала его, яснее от этого не становилось. Больше всего меня заинтересовало это таинственное «одно», которое так нужно мужчинам.

Проходящие мимо туристы разглядывали величественный, местами облупившийся от старости особняк за моей спиной и громко восторгались, экспрессивно размахивая руками, словно считали, что их сочтут недостаточно восхищенными, если они не будут походить на ветряные мельницы.

– Вы не могли бы сфотографировать нас? – обратилась ко мне одна немка на ломаном французском. Наверное, расслабленный вид помог мне замаскироваться под парижанку. Я кивнула и покорно сфотографировала галдящую немецкую компанию несколько раз. Я давно уже могла быть у Андре – его клиника находится всего за парой поворотов. Так что же тогда я делаю тут, на этой мраморной лавочке? Я попыталась представить себе, каково это будет, когда Париж и все, что с ним связано, станет для меня только воспоминанием. Буду ли я пересматривать фотографии и вспоминать красоты бульваров и парков? Или мой мозг сохранит лишь серьезное, напряженное лицо Андре, его жажду моего обнаженного тела, желание, которое до него никто не испытывал в отношении меня? Мой Париж. Рядом с Андре я чувствовала себя

инопланетянкой.

– Спасибо, – сказала немка весьма недружелюбно. Оказывается, я так и стояла с ее телефоном в руках, забыв вернуть после этой спонтанной фотосессии. Я протянула ей аппарат, и та забрала его у меня, полная смутных подозрений. Немецкая речь звучала грубо, как лай. Туристы уходили, поглядывая на меня с неодобрением. Наверное, решили, что я – наркоманка. Кто еще станет валяться в парке посреди рабочего дня?

Я добралась до клиники быстрее, чем хотела, но оказалось, что Андре на операции. В принципе я могла бы оставить для него сообщение, тем более, что ничего нового для Андре в нем не содержалось. Моя мама отказывалась от пластической операции, которую он сам, так или иначе, не собирался ей делать. Он планировал сказать ей об этом сегодня, но она уехала, и вместо нее явилась я.

– Месье Робен освободится только через час, не раньше, – сказала мне девушка в голубой форме. Я видела только ее голову и плечи, все остальное было скрыто стойкой и огромным монитором компьютера. Девушке не нравилось, что я пришла без записи, а то, что их клиентка, мадам Синица, вообще не явилась, ее и вовсе нервировало. Еще бы, после того, что тут произошло вчера.

– Я подожду, – буркнула я, противореча самой себе. Ты же собиралась бежать, Даша. Тебя пугает собственная беспомощность, эта чисто женская глупая слабость и безволие перед лицом Андре. Однако ты сидишь здесь, в приемной его клиники, и не думаешь уходить. Листаешь медицинские журналы, знакомясь с новыми методами подтяжки лица, и пьешь уже сотую чашку кофе, переводя и без того ограниченные запасы денег на эту ерунду. А, между тем давно следует находиться в аэропорту, на полпути к тому, чтобы город Париж стал далеким воспоминанием.

Но я не хотела воспоминаний, я хотела увидеть Андре.

Он появился в коридоре, усталый и слегка осунувшийся, почти незнакомый мне в этом белом халате, в котором я видела его только на первых приемах. Я почти забыла, что он врач. Он делает людей красивее, чем их создал господь. Я же

привыкла к нему, сидящему за рулем дорогих машин, с волосами, развевающимися на ветру. Повеса, ловец наслаждений.

Он подошел ко мне быстрым шагом, глядя так недовольно, словно я опоздала на свидание.

– В чем дело, Даша? Почему никто не сказал мне, что ты здесь? – возмущенно спросил он.

Я пожала плечами.

– И давно ты здесь сидишь? Надо было сказать, что ты пришла ко мне лично. Мне бы передали.

Я замялась, скользнув взглядом по белым стенам коридора и полупустому кулеру с водой, который вдруг издал булькающий звук.

– Я пришла по поручению матери. Она просила передать, что отказывается от операции. Я знаю, что ты и так не собирался… но она просила сказать это тебе лично.

– Значит, если бы не ее поручение, ты бы не пришла сюда? – спросил он хмуро. – Идем, нам нужно поговорить, – скомандовал Андре, и его ладонь завладела моей.

Идиотская мысль мелькнула в голове – сейчас Андре, как тогда в гостинице, затащит меня в глухой уголок своей клиники и снова овладеет моим телом. От этой мысли у меня ослабели колени. Я что, за этим пришла сюда?

– Я не хотела отвлекать тебя от работы, – сказала я, и он прекрасно понял, о чем я думала в эту минуту.

– Я скучал, – прошептал он, притягивая меня к себе, и заглянул в глаза. Не поцеловал, не прикоснулся подушечками пальцев к моим губам, как раньше, но одного его взгляда было достаточно, чтобы я начала дрожать всем телом. Он ласкал, раздевал меня взглядом, дразнил и бросал вызов. Лицо мушкетера – брови вразлет, изящная линия рта, высокие скулы. Я старалась запомнить его

лицо в мельчайших деталях – это станет лучшим воспоминанием о Париже.

Я могла бы смотреть на Андре часами. Да что там, я бы потратила жизнь, любуясь тем, как он улыбается, насмешливо склоняя голову набок. В облике Андре было то звериное, инстинктивное, что заставляет желать его даже тогда, когда в этом таится опасность. Наверное, именно такие чувства бросали Лючию Атертон в объятия чудовищного Макса Тео Альдорфера[2 - Главные герои фильма «Ночной портье» (1974 г.)], заставляя ее плясать перед ним обнаженной. Меня это пугало, я не хотела признавать сей безусловный факт, ибо он являлся моей полной капитуляцией.

– Я не выспалась, – произнесла я в ответ, и тут же поняла, как холодно это прозвучало.

Лицо Андре потемнело, он нахмурился. Я спровоцировала его. Чего, собственно, и добивалась.

– Ты пришла, чтобы поговорить о том, что тут произошло, верно? О том, что случилось вчера вечером? Ты явилась не для того, чтобы увидеть меня. – Андре просто констатировал факт.

Сжав губы, он отпустил мою руку и отстранился, но я не стала опровергать его вывод. Не желаю, чтобы он знал, насколько сильно я в нем нуждаюсь. Если он поймет это, то, я уверена, использует свою власть на полную катушку. Достаточно уже того, что я стою тут, перед ним, вместо того чтобы лететь сейчас в Москву. Я ведь собиралась сесть в самолет, забрав с собой воспоминания в ручной клади. Вряд ли мне позволят сдать мою глупую, опасную и безрассудную любовь в багаж. Придется нести ее в сердце, но только Андре не должен знать об этом.

– Честно говоря, я так и не поняла, что тут произошло. Мы можем поговорить в твоем кабинете?

* * *

Андре затащил меня в кабинет так стремительно, словно боялся, что нас кто-то увидит. Он с усилием надавил мне на плечи, заставив буквально рухнуть в

кресло, и долго смотрел на меня взглядом учителя, размышляющего над наказанием для нерадивого ученика, затем сам уселся прямо на стол, небрежно сдвинув бумаги.

– Хорошо, моя прелестная подруга, и что же, по-твоему, тут произошло? Потому что, на мой взгляд, все довольно-таки ясно.

– Что тебе ясно?

– Твоей маме стало плохо, у нее поднялась температура…

– И ее заглючило так, что ей привиделся мой мертвый парень?

– Твой бывший мертвый парень, – язвительно добавил Андре.

– Значит, привиделся, – кивнула я. – Я ведь не сказала, что верю ей.

– Спасибо и на этом, – бросил он холодно. – Ты что же, всерьез допускаешь вероятность того, что твой бывший парень был мертв и сидел в лунном свете в одной из наших операционных? Кстати, твоя мама не исключала также и вероятности того, что это был его ментальный дух. Проекция. Контакт третьей степени. Вполне допускаю, что сейчас она выдала бы еще какую-нибудь версию, утреннюю. Такие видения имеют свойство трансформироваться под воздействием времени. Пыталась ли ты, моя драгоценность, когда-нибудь запомнить сон, ускользающий из твоей памяти? Как ни старайся, его образы будут размытыми, нечеткими, потому что они рождены мозгом в момент сна.

– Похоже, что мама всю ночь не могла уснуть. Когда я пришла, она сидела напротив двери и ждала меня, – обвиняюще бросила я, хотя Андре вовсе не был виноват в том, что ночью меня не было рядом с ней. Он, конечно, являлся тому причиной, но это не делало его крайним.

– Мне очень жаль, что все это так напугало ее. Если бы я в тот момент был в больнице, то ни за что не отпустил бы твою маму. Это было безответственно со стороны дежурного врача.

– А что, правильнее было связать ее смирительной рубашкой? – фыркнула я. – Знаешь, моя мама, конечно, та еще актриса и может разыграть все, что угодно, но она никогда не заигрывалась до такой степени, чтобы принимать собственные фантазии за реальность. Иными словами, сценарии она всегда оставляла на бумаге. Я вполне допускаю, что во всем виноват этот твой препарат, но что мне теперь делать? Мама уехала почти сразу, как я пришла в гостиницу.

– Куда она уехала? – удивленно спросил Андре, резко спрыгнув со стола. Он прошел до окна, потом обратно, словно пытаясь привести мысли в порядок.

– Не знаю, – тихо сказала я. – Кажется, в Прованс. Ей там предложили роль.

– Предложили роль? Когда? Вчера ночью?

– Думаешь, она придумала это? – встревожилась я.

Андре запустил обе ладони в свои чудесные темные волосы и глубоко вздохнул.

– Я уже ничему не удивлюсь. Не слишком ли много событий для одной ночи?

– Уж не знаю. Но я лично вызвала ей такси, и сама видела билет на самолет до аэропорта Авиньон-Прованс. Можешь позвонить ей сам! Она уже, наверное, там.

– Авиньон? – Андре подошел к столу и принялся копаться в куче визиток, затем отбросил их и тихо, сквозь зубы выругался на французском.

– Что ты ищешь? – спросила я, не пытаясь скрыть волнение.

– Сейчас, подожди, – отмахнулся Андре, набирая номер по городскому телефону. – Марко? Привет, дрыхнешь, что ли? Слушай, ты давал мне телефон этого чертового продюсера, а я его потерял. Да. Хорошо, жду, – Андре говорил по-французски, и я невольно заслушивалась звуками его голоса. Мне, сколько я ни старалась, так и не удалось добиться правильного произношения, а он, сын Парижа, говорил с тем нежным, струящимся, как шелк, выговором, который получают только по праву рождения.

– Зачем тебе продюсер? – спросила я, пока Андре ждал ответа.

– Хочу убедиться, что с твоей мамой все в порядке и ей не показалось, что она получила роль, – резко бросил Андре. – Да, пишу. Марко, отвали. Сам делай карьеру в кино.

– Веселый у тебя брат, – сказала я, когда Андре закончил разговор, но он, никак не отреагировав на это замечание, тут же принялся набирать номер продюсера. Тот, видимо, долго не отвечал, и Андре переключился в режим громкой связи, устав держать трубку около уха. Какое-то время играла установленная вместо сигнала музыка, затем отозвался женский голос, не слишком вежливо сообщивший, что месье Пьер ответить не может – занят с артистами. «Что? Да, прослушивание. Да, ждем мадам Синитса. Встретили нормально, как и договаривались. Что-то передать? Да, вам тоже наилучшие пожелания. Оревуар».

– Вот видишь, – сказала я, когда удивленный Андре положил трубку.

– Однако это вовсе не означает, что она видела тут твоего… Черт, – прервал он сам себя, – я просто не понимаю, что происходит.

– Об этом и речь, – пробормотала я. – Я тоже не понимаю, что происходит. Но так или иначе, мама уехала, а Сережа пропал.

– Тебе так важно найти этого Сережу, да? – Андре практически испепелил меня взглядом. – Интересно, зачем? Снова будешь цитировать Экзюпери? Равнодушие, Даша, выглядит иначе.

– Почему тебе так важно знать, что я к нему чувствую? Какое тебе вообще дело до моих чувств? – пробормотала я, и губы Андре снова сжались в тонкую линию.

– А может быть, ты и в самом деле считаешь, что он мертв? Или, скорее всего, убит? Кем же, интересно? Мною? Вероятно, из ревности, не так ли?

– Ничего такого я не говорила.

– Но и не исключаешь этого, верно? Как романтично услышать это от своей девушки.

– Я не твоя девушка, – машинально возразила я. – И вовсе не утверждаю, что произошло убийство. Просто хочу понять…. Мама принимала сильнодействующий препарат. Зачем? Ты назначил ей наркотик?

– Какой еще наркотик? – скривился Андре. Это просто комплексный препарат от остеопороза в сочетании с витаминами.

– Значит, это она под воздействием витаминов увидела тут, у тебя, Сережу? Мертвого Сережу! – сорвалось у меня с языка.

Андре посмотрел на меня, как на опасную сумасшедшую. Некоторое время он молчал, затем потер уставшие глаза.

– Этот препарат был ей необходим. Твоя мама слишком увлекается вегетарианскими диетами, ее спектрограмма показала высокий риск перелома. Слышала когда-нибудь о переломах шейки бедра? Это очень опасная штука. Проблема лишь в том, что этот препарат вызывает расстройства координации и сознания, особенно в сочетании с резким падением сахара в крови. Можешь почитать в Интернете, я напишу тебе его название.

– Не надо, – я покачала головой, испытывая жгучее чувство вины за все, что наговорила тут. Я просто глупо и жестоко мстила Андре за свои собственные чувства.

– Единственное, в чем я виноват, это в том, что твоя мама осталась в какой-то момент без присмотра. Понимаешь? Ты видела когда-нибудь людей в состоянии, близком к гликемической коме? Они говорят, сами не понимая что, а могут и отключиться полностью. Возможно, медсестры проглядели ухудшение, но имей в виду, ее нашли практически сразу. Хочешь, я покажу тебе место, где все это случилось? Она лежала на полу и говорила без остановки. Разговаривала сама с собой. Прошло какое-то время, прежде чем она поняла, что рядом с ней медсестра и что она вообще находится в больнице. Пришлось сделать укол, чтобы привести ее в чувство. Вот и представь, в каком она была состоянии, когда якобы увидела твоего ненаглядного Сережу. Идем.

– Не надо, – замотала я головой, но Андре схватил меня за руку и потянул за собой мимо удивленно глядящих на нас пациентов, мимо поста медсестер, по незнакомым лестницам и коридорам, так что, когда мы дошли до места, я и сама не понимала, где нахожусь. Никогда раньше я не была в этой части больницы.

– Это далеко от палаты, где лежала мама?

– Довольно далеко, в другом крыле, – кивнул Андре. – Уже одно то, что она оказалась здесь, говорит о ее неадекватности. Ей тут было совершенно нечего делать. Ну что, давай зайдем.

– Куда? – вздрогнула я.

Андре кивнул на широкую двустворчатую дверь.

– На место преступления, как я понимаю, – усмехнулся он, но усмешка была горькой, будто он съел полыни. Я остановилась перед дверями, приложив ладонь ко лбу, – кажется, у меня самой поднялась температура. Зачем мы здесь?

– Не думаю, что в этом есть смысл, – я развернулась, чтобы уйти, но Андре удержал меня за плечо.

– Нет уж, моя птица, раз мы дошли до этого места, то пойдем и дальше, – и он практически силой втащил меня в операционную.

Просторное, совершенно безжизненное помещение, стерильное, как космический корабль. В самом центре – широкий операционный стол, над которым висят отключенные лампы. По стенам – металлические шкафы со стеклянными дверцами – все заперты на ключ. В углу жужжит громоздкий холодильник.

Я стояла посреди этого пространства, как соляной столб, а взбешенный Андре смотрел на меня горящими глазами.

– Вот, Даша, видишь это окно? – он указал на одно из двух больших окон, из которых открывался вид на сад. – Он сидел тут, на стуле.

– Не надо, – попросила я.

Под окном стоял маленький, обшитый искусственной кожей стульчик, рядом с которым находился шкаф с медицинскими инструментами.

– Твою маму нашли лежащей на полу почти у входа. Тут было темно. Медсестры осмотрели это помещение и соседние тоже – твоя мама требовала – и, естественно, никого не нашли. Я не могу сказать тебе ничего больше, так как меня самого тут не было, как ты знаешь. Потому что я-то был в это время с тобой.

– Андре… – взмолилась я.

– Что, Даша?

– Прости, я не должна была…

– Да, моя девочка, ты не должна была. Хотя, постой, ты же не моя девочка, ты же так сказала, верно?

– Я просто не знаю, что думать. Сережи нет. Никто не видел его. Мама сказала…

– Что? Что еще сказала твоя мама? – нахмурился Андре.

Я осела по стене и, обхватив колени, замерла, чувствуя себя утопающим, случайно выбравшимся на необитаемый остров. Что мне делать? Мама сказала, что руки Сережи были в крови. У Андре на руке до сих пор пластырь.

– Как ты повредил руку? – спросила я.

– Об лицо твоего бойфренда, – немедленно сообщил Андре. – Мы подрались с ним. А теперь вот он решил поиграть со всеми в прятки. И что это меняет?

– Ничего, – пробормотала я, жалея, что вообще затеяла этот разговор.

– Нет, Даша, это вовсе не «ничего». Вопрос не в том, куда делся твой Сережа и почему решил потрепать тебе нервы. Вопрос в том, как ты можешь подозревать меня в убийстве, ни больше, ни меньше. Потрясающе, просто восхитительно. За кого ты вообще меня принимаешь, Даша? Скажи мне правду – для разнообразия. Почему ты считаешь, что я мог кого-то убить?

– Потому что, мне кажется, что ты способен на все, – прошептала я. Правду, как он и просил, – для разнообразия.

Андре, кажется, не поверил своим ушам. Он стоял, словно оглушенный моими словами, затем тоже сел на пол – рядом со мной – и долгое время так и сидел, молча, пропитываясь моими словами, как ядом. Я хотела добавить что-то, но не нашла слов.

– Что ж, – пробормотал он. – В таком случае остается только поражаться, что ты пошла в мой дом Синей Бороды. Да еще позволила приковать себя к кровати. Хотя, ты ведь тогда еще не знала, что я убийца.

На моих запястьях все еще алели следы от наручников, но я больше страдала от жестокости его слов.

– Я вовсе не считаю тебя убийцей.

– Спасибо и на том. То есть, ты не побежишь отсюда прямо в полицию? – криво усмехнулся он.

– Я побегу отсюда прямо в аэропорт, – сказала я, и Андре, обернувшись, посмотрел на меня так, будто я дала ему пощечину. – Меня больше в Париже ничто не держит, особенно после отъезда матери, – добавила я.

– Спасаешься от меня? – спросил Андре, глядя на меня своими умными глазами. Ничего я не могу от него укрыть.

Да, – подтвердила я с грустной улыбкой. – От тебя можно только бежать.

– А если я все же попрошу тебя остаться? – тихо спросил он.

– Пожалуйста, Андре!

– Что – Андре?

– Я и так не знаю, что осталось от моей реальной жизни. Какие-то клочки и обрывки.

– Я не хочу тебя отпускать, Даша, – выдохнул он, и мое сердце, мое тело моментально взбунтовались, требуя отдаться во власть этого красивого непредсказуемого хищника.

– Хвала небесам, это не тебе решать, – бросила я, с трудом справляясь с собой.

* * *

Я не стала покупать билет заранее, я вообще забыла об этом. Все мои силы ушли на то, чтобы кое-как затолкать свое беснующееся в бессильной ярости тело в здание аэропорта. В каком-то фильме я видела историю о раздвоении личности, когда одна творила какие-то кошмары, в то время как другая не ведала ни о чем таком ни сном, ни духом. Я раздвоилась иначе, ощущая в себе обе личности сразу. Они бились друг с другом, споря на повышенных тонах, и я чуть было не начала делать это вслух, пока странные взгляды других пассажиров в автобусе, идущем в аэропорт, не привели меня в чувство.

«Шарль-де-Голль» встретил нас пробкой на въезде у шлагбаумов, и остальные пассажиры возмущались, боясь опоздать на свои рейсы. Я понятия не имела, каким рейсом и из какого терминала лечу, что немедленно вызвало подозрение у сотрудника аэропорта, который, очевидно, счел, что я могу оказаться террористкой. Поэтому меня вежливо попросили пройти в отделение полиции.

– С какой целью вы приезжали во Францию? – задала вопрос ухоженная женщина с тусклыми и желтыми от постоянного окрашивания волосами, немолодая, но все еще довольно красивая. Форма нисколько не портила ее, наоборот, даже шла. Я рассматривала ее, пыталась представить ее жизнь. Родилась в Париже. Работает в службе безопасности аэропорта. Замужем? Отчего-то кажется, что нет. Спросить бы, но, наверное, не стоит окончательно

портить о себе впечатление. Впрочем, что еще она может сделать со мной, кроме как отправить в Москву? Разве в этом наши цели не совпадают? По крайней мере, одной из двух моих личностей.

– Сопровождала мать, – ответила я на французском, качество которого удивило женщину и вызвало еще большие подозрения.

– И где же сейчас ваша мать?

– В Провансе, в Авиньоне, – ответила я без задержки, и только после этого поняла, как, должно быть, странно прозвучал мой ответ.

– Отчего же вы перестали ее сопровождать? – спросила желтоголовая насмешливо, а я подумала, что не стоит ляпать первое, что придет в голову, особенно тогда, когда уже стоишь в специальной комнате досмотра.

– Мой отпуск закончился. Мама изменила планы, решив съездить в Прованс, мне же нужно в Москву.

– Но тем не менее билета у вас нет, – уточнила дама.

– Я планировала купить его перед вылетом, – растерялась я.

Офицеры переглянулись.

– Кто-нибудь еще так делает? – спросила желтоголовая у своего коллеги. Тот, уже покончивший с моими пожитками и не впечатлившийся ими ни на грош, пожал плечами. Бомбы у меня не обнаружили. Желтоголовая с подозрением покосилась на следы на моих руках, но ничего не спросила. Кто и что делал с моими руками, ей было неинтересно.

– Я могу идти? – спросила я спокойно, и женщине ничего не оставалось, как отпустить меня. Не удерживать же в стране. Я удивилась, что меня не стали обыскивать с физически неприятными процедурами, а просто вывели через длинный коридор прямо в здание терминала. Аэропорт еще во время первого прилета напомнил мне извивающуюся змею, огромные овальные окна были нанизаны друг на друга, как бусины. Находясь в самой пасти змеи, я из

огромного окна видела летное поле.

Купить билет действительно оказалось проблемой. С чего я вообще решила, что это так просто? Впрочем, мой опыт покупки билетов был нулевым, я еще никогда не путешествовала одна.

– Вы полетите с пересадкой? – спросила меня девушка в кассе. – Через Миниск?

– Миниск? – переспросила я, пытаясь представить, в какой точке земного шара может находиться город с таким названием.

– Простите, Минск, – поправилась та, и я кивнула.

– Отправление завтра, в два часа тридцать минут, – сообщила она. – Сегодняшний рейс уже улетел.

– Ждать целые сутки? – вздохнула я, но снова кивнула. Еще сутки – и все, я свободна. Смогу сидеть дома, рыдать, обзывать себя дурой и тереть запястья, вспоминая сумасшествие, которое лучше было бы поскорее забыть. Девушка выдала мне билет и напомнила, что нужно зарегистрироваться на рейс. Похоже, мой вид наводил на мысль, что я могу забыть все, что угодно. Я закинула рюкзак на спину и отправилась бродить по аэропорту, который стал мне домом на целые сутки.

Аэропорт – это город, с улицами, переулочками и дворами. Кафе сменялись магазинами, магазины – ресторанами. Вместо деревьев тут росли столбики с розетками и USB-портами для подзарядки мобильных устройств, и в тени этих псевдокленов сидели люди, привязанные к стволам тонкими проводами. Тут и там с криками бегали усталые дети, а эфир заполнялся струящимися голосами дикторов, объявляющих рейсы на посадку и имена потерявшихся пассажиров. Понемногу суета аэропорта начала поглощать меня, отделяя от того, что осталось по другую сторону змеи. Андре. Могла ли я уже начинать думать о нем без риска, что побегу искать его на улицах Парижа? Не совершаю ли я глупости, так покорно следуя приказу матери?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Неважно, сколько раз ты говорила, что хочешь уйти… (англ.)

2

Главные герои фильма «Ночной портье» (1974 г.)

Купить: https://tellnovel.com/alisa-klever/ubiystvennaya-krasota-69-kupit

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити